

Как сказал когда-то классик, «большое видится на расстоянии», так что спустя большой промежуток времени мы, потомки Петра Великого, можем по праву гордиться своим историческим прошлым. Стоит отметить, что все усилия, приложенные монархом-реформатором, были не напрасны, и наша огромная страна смогла приобщиться к европейским научным и культурным достижениям, подарив миру талантливых отечественных деятелей науки и искусства.

Литература

1. Запесоцкий Ю. А. Петровские реформы как культурная доминанта. (Перечитывая Д. С. Лихачева) // Новая и новейшая история. 2007. № 4. С. 67–74.
2. Кара-Мурза А. А., Поляков Л. В. Реформатор: Русские о Петре I: опыт аналитической антологии. Иваново: Фора, 1994. 320 с.
3. Юности честное зерцало, или показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов. СПб.: Петербург. тип., 1717. 62 с.

УДК 821.161.1

*Д. Н. Черниговский (Киров, Россия)
Вятский государственный университет*

Антитираническая тема в сатирическом творчестве И. М. Долгорукова

Статья посвящена рассмотрению антитиранической темы в творчестве известного сатирика рубежа XVIII–XIX веков князя Ивана Михайловича Долгорукова (1764–1823), известного вольтерьянца, и в старости не изменившего либеральным идеалам своей молодости.

Ключевые слова: И. М. Долгоруков, антитираническая тема в русской сатирической поэзии, вольная русская поэзия

Интерес И. М. Долгорукова к теме обличения деспотизма нельзя считать случайным, так как он был обусловлен достаточно высокой степенью дворянского либерализма и гражданского самосознания сатирика [8]. Испытав в молодости значительное влияние философов эпохи Просвещения, Долгоруков вполне усвоил широко распространенное в среде русской интеллигенции разграничение политической власти «на два типа – монархию и деспотию» [7, с. 88]. Антитираническая тема в свете противопоставления двух видов верховной власти – безграничной автократии и просвещенного абсолютизма – получила развитие в русской литературе в творчестве А. П. Сумарокова, Я. Б. Княжнина, Г. Р. Державина и др. Эти традиции нашли отражение в поэтической практике Долгорукова, однако в крайне умеренном виде.

В философско-панегирической оде «Мое про меня» (1812), содержащейся в сборнике не предназначенных для печати стихотворений «Запрещенной товар», Долгоруков восхваляет эпоху правления Екатерины II как расцвет просвещенного абсолютизма в России. При этом поэт подвергает резкой критике Павла I и Александра I, в царствования которых, по мнению сатирика, политический климат в стране в корне ухудшился.

Хотя панегирик, согласно канонам классицизма, не входил в систему сатирических жанров, Долгорукову пришлось нарушить нормативные традиции, так как для создания неблагоприятного впечатления о преемниках Екатерины II на престоле поэт вынужден был использовать средства сатиры. Данное обстоятельство позволяет рассматривать «Мое про меня» в ряду сатирических произведений, имеющих антиираническую направленность.

Долгоруков совершенно однозначно полагал Павла I тираном и с неприязнью перечислил в стихотворении злодеяния и сумасбродства императора. Так, сатирик сокрушается по поводу нестабильности человеческой жизни, всецело зависящей от воли царя:

Но ах! в Петрополе ужасном,
Где гордость чувства все морит,
Где всяк в безмолвии опасном
Вокруг себя хаосы зрит,
Там счастья сын – его избранник
С трудом уверен может быть,
Что завтра, завтра ж он не странник,
Сужденный без ночлега жить [1, л. 17].

Долгоруков выражает недовольство и фрунтотомией Павла, вспоминая, что «...во дни Екатерины...» «...ходили в фраках офицеры, вкушая сладостный досуг», что «...вдруг и вовсе без причины, // Никто не брал пяти чинов // Тогда. – О нравов измененье. // За стыд бы каждый воин счел, // Иметь за то лишь награжденье, // Что мастерской развод развел» [1, л. 17].

Между тем Александр I, сменивший на престоле своего отца, не оправдал надежд по поводу реставрации екатерининских порядков. Хотя Долгоруков не делает упреков в тирании молодому императору, еще не вступившему на путь реакции, в произведении резко осуждаются неудачи Александра в войнах с наполеоновской Францией и его неумение управлять внутренними делами. Поэт с горечью отмечает поощрение доносительства, бюрократизацию государственного аппарата и волокиту в судебных разбирательствах, говоря, что во времена императрицы «Пустых доносов – плод досады, // Не в моде было заводить» [1, л. 17 об.], «Не знали также поминутно // Сбирать от скуки комитет // Умно ли просят иль беспутно, // Пустое дело длить пять лет, // Потом на пользу будто нашу // Сенат, Совет, Министров всех, // Стравя, в одну смешавши кашу, // Поставить исцу (истцу. – Д. Ч.) горькой смех» [1, л. 17 об.].

Долгоруков чутко улавливает в тревожных симптомах александровского царствования тенденцию к деспотизму. Это предощущение, видимо, и вызвало заключающее оду обращение к царице:

Пролей, Фелица, снова пламень
На град, воздвигнутый Петром,
Где люди, воды, даже камень
Твоим все движется умом.
Сей град тобой освобожденный
От рабского битья чела,
Познал все ужасы геенны,
Уж в нем и кровь царей текла... [1, л. 18 об.]

Казалось бы, стихотворение имеет название, не отвечающее содержанию: речь идет о трагических переменах в жизни страны в результате смены монарха, а в заглавии значится – «Мое про меня». Но Долгорукову важно подчеркнуть, что излагаемые мысли принадлежат именно ему, выстраданы им, что это не только общая позиция просвещенных дворянских либералов России. Не случайно эмоциональное тождество стихотворения и отрывка из автобиографических записок поэта, относящегося к году убийства Павла I: «Здравствуй год, блаженный, год назначенный судьбою на искупление рода человеческого в России от гибельного тиранства, которое выю россиян совсем поработило» [3, с. 531–532].

Надо сказать, что политический радикализм Долгорукова, проявленный им по отношению к правлению Павла I, и осторожность, с которой поэт отнесся к либеральному началу александровского царствования, имели и более прозаические, лишенные тираноборческого пафоса причины автобиографического характера. Негативное отношение к Павлу I было вызвано, например, тем, что, будучи еще великим князем, тот чрезвычайно привечал Долгорукова при своем гатчинском дворе, а вступив на престол, полностью изменил отношение к поэту [2, с. 56–58].

Неудовлетворенность Александром I нашла отражение в тексте стихотворения и отчасти послужила поводом для его создания. Дело в том, что император не слишком высоко ценил служебную деятельность Долгорукова, и в 1812 г. по несправедливым доносам отрешил поэта от должности владимирского губернатора [3, с. 191–192]. Надо полагать, что «Мое про меня» создавалось в период получения отставки (март 1812 г.), и это определило минорную тональность произведения. Не случайны, видимо, и следующие строки: «Судей тогда (при Екатерине II. – Д. Ч.) не отрешали, // За все про все, так как теперь»; «Пустых доносов – плод досады, // Не в моде было заводить» [1, л. 17].

Думается, что именно в таком отношении к пережитому, когда индивидуальное неприятие политики монархов сливается с пафосом социального протеста, и проявляется автобиографизм, декларированный в заглавии стихотворения.

Отмечая смелость и конкретность долгоруковского обличения, нельзя не сказать о косвенных причинах радикализма благонамеренного в целом литератора. Острота политической критики в данном случае была во многом обусловлена тем, что автор писал «в стол» и творил в эпоху более либеральную, чем павловская.

Тему обличения деспотизма Долгоруков продолжает в опубликованной при жизни поэта стихотворной сатире «Торжество совести» (1813–1814). Основная идея сатиры заключена уже в первых двух стихах, в которых автор, обращаясь к совести, восклицает: «Нет краше ничего, чем жить с тобою в мире! // Бессовестному нет спокойства в целом мире» [6, с. 445].

Пафос сатирического обличения в стихотворении направлен против конкретного монарха – Наполеона, изображенного кровожадным властителем, тираном, который, «возгордясь удачною войной, / Все жатвы усырил кровавою росой, // Дымясь перед людьми фараонитской славой» [6, с. 445]. Однако Долгоруков не ограничивается подбором негативных эпитетов по отношению к ненавистному завоевателю и объяснением его жестокостей тщеславием и ложным понятием о славе. Подобно Радищеву, судившему монарха устами аллегорической Истины, Долгоруков создает аналогичную аллегорию – Совести, от имени которой предьявляет обвинительный акт тирании. При этом имеется в виду не только тирания Наполеона, так как задача, сформулированная поэтом для медитативного развития темы, носит абстрактный характер: «Рассмотрим в существе владык благую часть, // Их силу, их корысть, величество и власть» [6, с. 445]. Хотя в сатире перечислены собственно наполеоновские злодеяния, за конкретикой фактов ощущается критика всякого монархического правления, субъект которого не соответствует представлениям об идеальном, просвещенном государе. Такое расширение смысловой трактовки текста было вызвано интересом, который Долгоруков проявлял к проблеме власти и ее обладателя, поставленной в общефилософском аспекте, безотносительно к конкретному венценосцу. Именно поэтому абстрактно-гуманистическая программа наполеоновского царствования воспроизводится в произведении в подчеркнуто универсальном, лишенном индивидуальных примет виде:

Дни счастливы даря подвластному народу,
Сулил ты охранять права его, свободу,
На истине святой укоренить свой трон
И чужд от прихотей блюсти один закон;
Обиженным клялся давать защиту скору,
Несчастному покров, безродному подпору;
Щедроты проливать из кроткого пера
И стражем быть всеобщего добра;
Дух злобы заключать в узилища жестоки.
Ошибки извинять, наказывать пороки... [6, с. 448–449]

Наполеон, как известно, не реализовал свою гуманистическую декларацию, и поэт, устами Совести, выступающей в этом символическом суде в качестве обвинителя, выносит «бесстыдному царю» уничтожающий приговор: «Народа своего ты бич, а не отец!» [6, с. 449].

Мудрым предостережением не только французскому императору (в 1814 г., когда создавалась сатира, еще не получившему в полной мере возмездия истории), но и всем «тиранам мира» служат следующие долгоруковские строки:

Увы! какой венец, какой чугунный щит

От совести царя в день брани защитит?

Грызение ее, всечасная тревога

Суть Тартар для владык забыть дерзнувших Бога [6, с. 450].

Как и в предыдущем стихотворении, в создании сатиры «Торжество совести» значительную роль сыграл автобиографический мотив. И хотя произведение не содержит деталей, эпизодов жизни самого Долгорукова, несомненно, что поэта вдохновляли чувство патриотизма и боль москвича за родной город, поруганный завоевателем. Именно личные переживания, обусловившие искренний эмоциональный пафос произведения, придали особую остроту поставленной в сатире философской проблеме.

Завершает данный тематический ряд неопубликованное стихотворение «Размышление деревенского тунеядца», содержащееся в сборнике «Запрещенной товар» и написанное предположительно в 1818–1821 гг., так как политические аллюзии в стихотворении касаются событий, происходивших в это время: открытие польского сейма и активизация деятельности Священного союза. Данное произведение выполнено Долгоруковым в жанре философской медитации, содержащей рецепты от житейской скуки. Несатирическое в целом «Размышление...» включает сатирический пассаж (29 стихов), имеющий непосредственное отношение к обличению деспотизма. Речь идет об отрывке, представляющем собой один из вышеупомянутых «рецептов». Автор полагает, что едва ли не лучшим лекарством от скуки является сон, и рассказывает свои сновидения, где, меняя обличия, предстает то «владельцем стран полных», [1, л. 55 об.], то «торгашом» [1, л. 56], то вельможей, «втершимся» [1, л. 56] в первый том адрес-календаря. Для анализа антииранической темы интерес представляет «царская ипостась» поэта, в связи с чем считаем нужным процитировать часть отрывка:

Мне снится, будто я владелец стран полных,

Вся Индия полна моих крестьян оброчных,

Придумываю как на счет их лучше жить,

Филантропически учусь их разорить.

Во благочестии пишу для них законы,

От коих моему капризу нет препоны;

Вербую всех царей в военный хоровод,

По виду равен всем, а внутренно деспот.
Бояра в (неразб. – Д. Ч.), доходу, что сколотят
За круглой год его мне в пошлинах заплотят.
На рынках мужикам свободу посулю,
А чуть что не по мне, как галку ощиплю.
Сменяю воевод, жрецов, судей, министров,
Медали лью дождем на сытых бургомистров
И капиталом их умножа свой доход,
Газетчикам велю писать, что весь народ,
Меня боготворит, что в царстве нет неволи,
Что сам я гражданин, хотя и на престоле [1, л. 55–56].

Приведенный текст лишен прямого указания на адресата сатиры, что дает возможность предполагать в качестве объекта долгоруковской критики тирана «вообще», а не конкретного монарха. Вероятнее всего, постановка проблемы в отвлеченно-философском плане ориентировала на восприятие созданного образа как типичного коронованного деспота. Однако читателю-современнику не требовалось особой политической проницательности, чтобы в деяниях «индейского царя» угадать портрет собственного монарха. Действительно, в иносказательной форме Долгоруков говорит о либеральном начале александровского царствования и его реакционном закате. Поэт напоминает о заигрывании царя с народом, по поводу возможной отмены крепостного права (указ «О вольных хлебопашцах» 1803 г.): «На рынках мужикам свободу посулю»; о запрещении публиковать в газетах объявления о продаже крестьян без земли (что создавало видимость отсутствия рабства): «Газетчикам велю писать... что в царстве нет неволи»; о постоянной реорганизации государственного управления, связанной с заменой талантливых либералов (М. М. Сперанского) бездарными реакционерами (А. А. Аракчеевым): «Сменяю воевод, жрецов, судей, министров...»; об основании Священного союза, что свидетельствовало о «религиозно-политическом консерватизме в международной политике» [5, с. 235]: «Вербую всех царей в военный хоровод»; о заигрывании с общественным мнением Запада, фактом которого явилась польская конституция: «... сам я гражданин, хотя и на престоле».

Не вызывает сомнений, что взгляды Долгорукова на Александра I, бывшего объектом критики в оде «Мое про меня» (1812) и прототипом монарха в данном стихотворении, претерпели эволюцию. Если в 1812 г. сатирик лишь предчувствовал наступление деспотизма, то в конце десятих – начале двадцатых годов он недвусмысленно указывает на перерождение царя: «По виду равен всем, а внутренно деспот» [1, л. 56].

Как и в предыдущих произведениях, социально-политическое обличение в «Размышлении...» сделано как бы от имени просвещенного либерализма и ор-

ганично сочетается с мотивом личного недовольства императором, поэтому так явственно слышатся нотки обиды несправедливо отставленного губернатора в следующей строке: «Сменяю воевод, жрецов, судей, министров...» [1, л. 56].

Однако не следует все же преувеличивать личностное начало в обличении политики царя и преуменьшать тем самым гражданскую позицию Долгорукова. Г. В. Ермакова-Битнер, высоко оценивая дворянский либерализм поэта, писала, что «он встретил сочувственно учреждение министерств, все “либеральные” реформы начала царствования Александра I, но, когда будущее показало лицемерие политики царя, он разоблачал это лицемерие в своих записках» [4, с. 73]. Видимо, неприятие сатириком политического двуличия монарха было настолько сильным, что помимо дневниковых записей потребовало выражения в виде иносказательного обличения в составе поэтического произведения.

Аналитический обзор стихотворений, имеющих оппозиционную направленность, обращает внимание на эволюцию идеологического и художественного замыслов автора, которая отчетливо отразилась в воплощении антииранической темы. Так, если в оде «Мое про меня» Долгоруков ограничился обличением конкретных самодержцев – Павла I и Александра I, то в сатире «Горжество совести» поэт сочетает критику Наполеона с постановкой проблемы деспотизма в общефилософском аспекте. В «Размышлении деревенского тунеядца» сатирик переводит обличение в абстрактный план, опираясь, однако, на реалии александровского царствования. Таким образом, развитие политической и художественной мысли Долгорукова шло от недовольства определенными самодержцами к абсолютному неприятию деспотизма как такового, безотносительно к личности конкретного монарха. Вместе с тем, оценивая антииранические взгляды Долгорукова, не следует полагать, что они выходили за пределы умеренной оппозиционности, так как идеалом политической власти для поэта оставался просвещенный абсолютизм. И все же значение антииранических произведений И. М. Долгорукова как образцов «вольной поэзии» определялось тем, что они были «связующим звеном между гражданской поэзией русского Просвещения и декабристской литературой» [7, с. 99].

Литература

1. Долгоруков И. М. Запрещенной товар, или потаенное собрание тех моих сочинений, коих я не хотел, или не мог выпустить в свет. Москва 1822-го года ноября 1 дня. ОРК и Р научной библиотеки им. А.М. Горького МГУ. – I РК 175².
2. Долгоруков И. М. Капище моего сердца. М, 1997. (Литературные памятники).
3. Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни. В 2 т. М, 2004. Т.1. («Литературные памятники»).
4. Ермакова-Битнер Г. В. Поэты-сатирики конца XVIII – начала XIX в. // Поэты-сатирики конца XVIII – начала XIX в. Л., 1959. С. 5–82. (Библиотека поэта. Большая серия).

5. Ключевский В. О. Сочинения: в 8 т. М., 1956–1959. Т. 5.
6. Поэты-сатирики конца XVIII – начала XIX в. Л., 1959 (Библиотека поэта. Большая серия).
7. Степанов В. П. Убийство Павла I и «вольная поэзия» // Литературное наследие декабристов. Л.: Наука, 1975. С. 279–283.
8. Черниговский Д. Н. К вопросу о характере религиозных и общественно-политических взглядов И. М. Долгорукова // Жанр. Стиль. Образ: Актуальные вопросы современной филологии: межвуз. сб. ст. / науч. ред. Д. Н. Черниговский, Е. И. Беглова. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2014. С. 141–152.